Философия Энди Уорхола (От А к Б и наоборот)

Автор:
Энди Уорхол

Философия Энди Уорхола (От А к Б и наоборот)

Энди Уорхол

Энди Уорхол (1928–1987) – культовый американский художник, режиссер, продюсер, издатель, один из основателей поп-арта. В своей автобиографической «Философии» он делится с читателями мыслями о славе, отношениях, деньгах, сексе, еде, моде, работе, времени, Нью-Йорке и о том, что значит быть современным. В отличие от книг других художников, манифест Уорхола – литературное произведение, в котором размышления об искусстве чередуются с воспоминаниями о детстве, а диалоги с вымышленным Б – с полноценными рассказами от первого лица. Все это делает «Философию» еще одним великим поп-произведением художника, созданным на этот раз с помощью слов, а не красок.

Энди Уорхол

Философия Энди Уорхола (от А к Б и наоборот)

Посвящается Пэт Хэккет – за умелое извлечение и редактирование моих мыслей; Прекрасной Бриджит Полк за то, что была на другом конце телефонного провода; Бобу Колачелло за то, что он собрал все вместе; и Стивену М. Л. Аронсону, замечательному редактору.

А: Только маленький кусочек… меньше… еще меньше.

Б и я: как Энди превращается в Уорхола

А: Я никогда не звонил в службу передачи телефонных сообщений.

Я просыпаюсь и звоню Б.

Б – любой, кто помогает мне убить время.

Б – никто, и я никто. Б и я.

Б мне нужно, потому что я не могу быть один. Разве что когда сплю. В это время я не могу быть ни с кем.

Я просыпаюсь и звоню Б.

– Привет.

– А? Подожди, я выключу телевизор. И пописаю. Я приняла мочегонное и теперь писаю каждые пятнадцать минут.

Я подождал, пока Б пописает.

– Давай, – сказала она наконец, – я только что проснулась. У меня во рту пересохло.

– Я просыпаюсь каждое утро. Открываю глаза и думаю: ну вот, опять начинается.

– А я встаю, потому что мне надо пописать.

– Я никогда не засыпаю снова, – сказал я. – Мне кажется, что это опасно. День жизни – это как телепрограмма на весь день. Телевидение никогда не покидает эфир: как включится с утра – так на весь день, вот и я тоже. К концу дня весь день превращается в кинофильм. В кино, снятое для телевидения.

– Я смотрю телевизор с той самой минуты, как встаю, – сказала Б. – Я смотрю на синий фон канала «Эн-Би-Си», потом переключаю на другую программу и смотрю на фон другого цвета, смотрю, какой цвет лучше подходит к оттенкам кожи на лицах ведущих. Я запоминаю кое-какие словечки Барбары Уолтерс, чтобы вставить их в твое будущее телешоу.

Б имела в виду мои грандиозные, но не реализованные планы: собственное регулярное телешоу. Я хотел назвать его «Ничего особенного».

– Я просыпаюсь по утрам, – сказала она, – и рассматриваю узоры на обоях. Здесь серенькое, там цветочек, а там черные пятнышки вокруг цветка, и я думаю: это что, обои от Билла Бласса? Они так же знамениты, как какие-нибудь картины. Знаешь, что ты должен сделать сегодня, А? Ты должен найти лучшую в Нью-Йорке оберточную бумагу и составить из нее портфолио. Или заказать ткань с таким же рисунком, а потом пойти к обойщику и обить ею стул. Можно выстегать цветочки. А еще можно положить подушку. Со стулом ты можешь сделать куда больше, чем с картиной.

– Эта сумка с сорока фунтами риса, которую я купил в панике, все еще стоит рядом с моей кроватью, – сказал я.

– Моя сумка тоже, только она весит восемьдесят фунтов и к тому же бесит меня, потому что не подходит к занавескам.

– У меня пятна на подушке.

– Может, среди ночи ты лег на подушку и у тебя началась менструация? – сказала Б.

– Мне надо снять мои крылышки. (У меня их пять:

по одному – под каждым глазом, по одному – на каждом уголке рта и одно – на лбу.)

– Повтори, что ты сказал.

– Я сказал, что мне надо снять крылышки.

Неужели Б смеялась над моими крыльями?

– Каждый день – это новый день, – сказал я. – Потому что я не могу вспомнить, что было вчера. Так что я благодарен своим крылышкам.

– О господи, – вздохнула она. – Каждый день – действительно новый день. Завтрашний день не очень важен, и вчерашний был не так уж важен. На самом деле я думаю о сегодняшнем дне. И первое, что я думаю о сегодняшнем дне, – как мне сэкономить доллар-другой. Я лежу в постели и жду, пока мне позвонит кто-нибудь из тех, кому я хочу позвонить сама. Так я экономлю по меньшей мере десять центов.

– Я сразу выпрыгиваю из постели. Шаркаю ногами, подпрыгиваю, встаю на цыпочки, танцую кекуок – делаю что угодно, только бы не наступить на вишни в шоколаде, рассыпанные по полу как мины. Но на одну вишню я всегда наступаю. Ощущаю, как шоколад…

– Я НЕ СЛЫШУ. Я НЕ ПОНИМАЮ, ЧТО ТЫ ГОВОРИШЬ!

– Я говорю, что понимаю: мне нравится это ощущение.

– Я встаю и иду на цыпочках. Я боюсь разбудить гостей, которые остались у меня ночевать, – еще так рано, и я ненавижу поскальзываться на вишне в шоколаде, потому что мне это напоминает, как будто на что-то намазываешь мед, а потом – о боже! – нож остается грязный и мед капает на ковер, ну, растекается, как обычно. Лучше бы мед можно было выдавливать – как кетчуп в придорожном кафе.

– Я доползаю до ванной комнаты, потому что не могу шаркать ногами, прыгать, ходить на цыпочках и танцевать кекуок с вишней в шоколаде между пальцами ноги. Подхожу к раковине. Медленно выпрямляюсь и опираюсь руками о бортики.

– Я не так делаю, – сказала Б. – Я зажимаю вишню в шоколаде между пальцами ноги, а потом сажусь в позу йога и пытаюсь поднести ступню ко рту, чтобы слизать остатки вишни в шоколаде. Потом я прыгаю в ванную, чтобы еще больше не размазать все это по полу. Когда добираюсь до ванной, задираю ногу в раковину и мою ее.

– Уверен, что сейчас посмотрю в зеркало и ничего не увижу. Все называют меня зеркалом, а если зеркало посмотрит в зеркало, на что оно будет смотреть?

– А я, когда смотрюсь в зеркало, знаю только, что я себя вижу не так, как другие видят меня.

– Почему это, Б?

– Потому что я смотрю на себя такую, какой хочу себя видеть. Делаю разные выражения лица только для себя.

Не строю таких гримас, как при посторонних. Не кривлю рот, произнося: «Деньги?»

– О нет, Б, пожалуйста, только не о деньгах.

Эта Б – богата, поэтому, конечно, у нее все мысли об одном.

Один критик назвал меня «Само ничто», и это совсем не укрепило меня в ощущении собственного существования. Потом я понял, что само по себе существование ничего не значит, и почувствовал себя лучше. Однако меня все еще преследует мысль о том, что я посмотрю в зеркало и не увижу никого, ничего.

– Меня преследует мысль, – сказала Б, – что я посмотрю в зеркало и скажу: «Я этому не верю». Как получается, что у меня такое паблисити? Как я могу быть одной из самых знаменитых людей в мире? Только посмотри на меня!

– День за днем я смотрю в зеркало и все-таки что-то вижу – новый прыщ. Если прыщ в верхней части правой щеки исчез, новый появляется внизу левой щеки, на подбородке, рядом с ухом, на кончике носа, под волосками брови, прямо на переносице. Я думаю, это один и тот же прыщ, который просто передвигается с места на место.

Я говорил правду. Если бы кто-нибудь спросил меня: «Какая у тебя проблема?», мне бы пришлось ответить: «Кожа».

– Я макаю ватный тампон «Джонсон и Джонсон» в спиртовой лосьон «Джонсон и Джонсон» и протираю им прыщ. Пахнет так хорошо. Так чисто. Так холодно. А пока спирт высыхает, я думаю ни о чем. Ведь ничто – это всегда модно. Всегда стильно. Ничто – совершенно, в конце концов, Б, это противоположность пустоты.

– Для меня практически невозможно думать ни о чем, – сказала Б. – Я не могу об этом думать, даже когда сплю. Вчера ночью мне приснился худший сон в моей жизни. Худший кошмар. Мне снилось, что я была на каком-то собрании, и у меня было заказано место в самолете, чтобы вернуться домой, но никто не хотел меня туда отвезти. Вместо этого меня все время возили в один и тот же дом на благотворительную выставку, где я должна была подниматься по лестнице, чтобы посмотреть картины. А впереди меня шел человек, который все время повторял: «Обернитесь! Вы еще этого не видели». Я отвечала: «Да, сэр!» Это была стена, закруглявшаяся вдоль винтовой лестницы, выкрашенная в желтый цвет снизу доверху, и он сказал: «Ну вот, это и есть картина». Я сказала: «А-а…» Потом я ушла с человеком в сером костюме с чемоданом в руках, который спустился, чтобы сунуть еще пятнадцать центов в счетчик парковки, но его машина оказалась не машиной, а диваном, так что я поняла: уж он-то меня никуда не отвезет. Тогда я попыталась остановить машину скорой помощи. В конце концов мне пришлось вернуться на эту выставку. Другой человек потащил меня посмотреть картину и сказал: «Вы еще не все посмотрели». Я ответила: «Я все видела». Он сказал: «Но вы не видели, как человек внизу платит пятнадцать центов за парковку машины». Я сказала: «Ха, это не машина, а диван. Как я доеду до аэропорта на диване?» Он спросил: «Разве вы не видели, как он вынимает из кармана черный блокнот и записывает туда пятнадцать центов? Он сказал, что это самое продолжительное мероприятие, на котором он когда-либо присутствовал. Удержание налогов. Это и есть произведение искусства. Это его произведение – уплата пятнадцати центов за парковку дивана». Тогда я поняла, что у меня нет денег оплатить забронированное место в самолете – я уже четыре раза делала заказ и отменяла его. Поэтому я пошла к дощатому домику рядом с пляжем и стала собирать ракушки. Я хотела проверить, смогу ли я забраться внутрь одной поломанной ракушки, и я попробовала, действительно попробовала. Мне удалось засунуть туда макушку и заколку, через дырочку. Прядь волос и заколку. Я вернулась на выставку и сказала: «Не могли бы вы приделать пропеллер к дивану этого человека, чтобы я добралась до аэропорта?»

У этой Б было что-то на уме. Иначе к чему бы ей приснился такой сон?

– Мне вчера ночью тоже приснился кошмар, – сказал я. – Меня отвезли в клинику. Я будто бы участвовал в благотворительной акции для людей-уродов, людей, которые родились без носов, людей, которые обматывали лица целлофаном, потому что под целлофаном ничего не было. В клинике был дежурный, который пытался объяснить, какие у этих людей проблемы, какие привычки, а я просто стоял там, был вынужден слушать и хотел только, чтобы все это закончилось. Потом я проснулся и подумал: «Пожалуйста, пожалуйста, пусть я буду думать о чем-нибудь другом. Я просто хочу повернуться на другой бок и подумать о чем-нибудь другом, о чем угодно» – и повернулся на другой бок, и задремал, и кошмар вернулся! Это было ужасно.

– Главное – думать ни о чем, Б. Слушай, ничто – заманчиво, ничто – сексуально, ничто – не стыдно. Я только тогда хочу быть чем-то, когда со стороны смотрю на вечеринку, – хочу быть чем-то, чтобы попасть на нее.

– Три из пяти вечеринок – сплошное занудство, А. Я всегда вызываю свою машину пораньше, чтобы сразу уехать, если буду разочарована.

Я мог бы сказать ей, что, если что-то меня разочаровывает, я знаю, что это – не ничто, потому что ничто не разочаровывает.

– Когда спиртовой лосьон высыхает, – говорю я, – я готов воспользоваться мазью телесного цвета от угрей и прыщей, ее цвет не похож ни на одно человеческое тело, которое я когда-либо видел, хотя подходит к моей коже.

– Я в таких случаях пользуюсь ватной палочкой «Кью-тип», – сказала Б. – Знаешь, я здорово завожусь, когда засовываю «Кью-тип» в ухо. Я обожаю чистить уши. Меня действительно возбуждает, когда удается выковырять кусочек серы.

– Ну ладно тебе, Б. Так вот, прыщ замазан, он в порядке. Но в порядке ли я? Мне приходится выискивать дальнейшую информацию в зеркале. Ничего не пропущено. Все на месте. Бесстрастный взгляд. Дифрагирующая грация…

– Что?

– Унылая томность, изможденная бледность…

– Что-что?

– Шикарная ублюдочность, глубоко пассивное удивление, завораживающее тайное знание…

– ЧТО?

– Ситцевая радость, разоблачающие тропизмы, меловая маска злого эльфа, слегка славянский вид…

– Слегка…

– Детская, с жвачкой во рту, наивность; великолепие, коренящееся в отчаянии; самовлюбленная беспечность; доведенная до совершенства непохожесть на других; худосочие; мрачная, несколько зловещая аура полового извращенца; неяркая, приглушенная магическая импозантность; кожа и кости…

– Постой, подожди минутку, мне надо пописать.

– Меловая кожа альбиноса. Похожая на пергамент. На кожу рептилии. Почти голубая…

– Прекрати! Мне нужно пописать!!

– Узловатые колени. Географическая карта шрамов. Длинные костистые руки, такие белые, будто их отбеливали. Бросающиеся в глаза кисти рук. Глаза с булавочную головку. Уши-бананы…

– Уши-бананы? О, А!!!

– Серые губы. Мягкие растрепанные серебристо-белые волосы с металлическим отливом. Шейные сухожилия, выпирающие вокруг большого «адамова яблока». Все на месте. Ничего не пропущено. Я – это все то, что перечислено в газетных вырезках моего альбома.

– Теперь-то я могу пописать, А? Я только на секундочку.

– Сначала скажи, правда у меня такое большое «адамово яблоко», Б?

– Просто у тебя в горле комок. Пососи леденец.

Когда Б вернулась, пописав, мы сравнили технику макияжа. Вообще-то я не пользуюсь макияжем, но покупаю косметику и много о ней думаю. Косметику так широко рекламируют, что ее нельзя совсем игнорировать. Б так долго трепалась о всех своих «кремах», что я спросил ее: «Тебе нравится, когда мужчины кончают тебе на лицо?»

– А это омолаживает?

– Разве ты не слышала про таких женщин, которые приглашают пареньков в театр и дрочат им, чтобы потом размазать все это по лицу?

– Они втирают это как крем для лица?

– Да. Это вроде как стягивает кожу, и она выглядит моложе весь вечер.

– Правда? Ну, я пользуюсь своими средствами. Так лучше. Так я могу все сделать дома, до того как выхожу вечером.

Я брею подмышки, брызгаюсь дезодорантом, мажу кремом лицо, вот я и готова для вечера.

– А я не бреюсь. Я не потею. Я даже не гажу, – сказал я. И подумал: что Б на это скажет?

– Тогда в тебе, наверное, полно дерьма, – сказала она. – Ха-ха-ха.

– После того как я проверю себя в зеркале, я натягиваю белье «Би-Ви-Ди». Нагота – угроза моему существованию.

– А моему нет, – сказала Б. – Я сейчас стою здесь совершенно голая, смотрю на растяжки на грудях. А сейчас изучаю шрам сбоку, оставшийся после абсцесса грудины. А теперь – шрам на ноге, он у меня с тех пор, как я упала в саду в шесть лет.

– Как насчет моих шрамов?

– Что насчет твоих шрамов? – спросила Б. – Вот что я тебе скажу насчет твоих шрамов. Я думаю, что ты спродюссировал «Франкенштейна» только для того, чтобы использовать свои шрамы в рекламе. Ты заставил свои шрамы работать на тебя. А почему нет? Они – лучшее, что у тебя есть, потому что они – доказательство чего-то. Я считаю, что хорошо иметь доказательства.

– А что они доказывают?

– Что в тебя стреляли. Что у тебя был величайший оргазм в жизни.

– Что случилось?

– Это произошло так быстро, словно вспышка.

– Что произошло?

– Помнишь, как ты стеснялся в больнице, когда монашки увидели тебя без твоих крылышек. И ты снова начал коллекционировать разные вещи. Монашки заинтересовали тебя коллекционированием марок, ты их собирал, когда еще был ребенком. А еще они заинтересовали тебя монетами.

– Но ты не сказала мне, что случилось.

Я хотел, чтобы Б мне все разжевала. Если кто-то другой говорит об этом, я слушаю, слышу слова и думаю, что, может, это все правда.

– Ты просто лежал, и Билли Нейм стоял над тобой и плакал. А ты все время просил его не смешить тебя, потому что было больно смеяться.

– И?..

– Ты лежал в реанимации, получал открытки и подарки ото всех, от меня в том числе, но не хотел, чтобы я пришла к тебе, потому что боялся, что я стяну твои таблетки. И ты сказал, что подумал тогда: близость смерти похожа на близость

жизни, потому что жизнь – это ничто.

– Да, да, но как это случилось?

– Основательница Общества оскопления мужчин хотела, чтобы ты снял фильм по ее сценарию, а ты отказался, и как-то днем она просто пришла в твою мастерскую. Там была масса народа, а ты говорил по телефону. Ты не очень хорошо ее знал, а она просто вышла из лифта и начала стрелять. Твоя мама была так подавлена. Ты думал, она от этого умрет. Твой брат, тот, который священник, держался великолепно. Он зашел в палату и стал показывать тебе, как вышивать по канве. Я научила его этому в коридоре!

Так значит, вот как в меня стреляли?

Почему-то мысль о Б и о том, что я вышивал…

– Не только косметика, но и одежда делает человека человеком, – сказал я. – Я верю в униформу.

– Я обожаю униформу. Потому что если внутри тебя ничего нет, одежда не сделает тебя человеком. Лучше всегда носить одно и то же и знать, что люди любят тебя за то, какой ты есть на самом деле, а не за то, каким тебя делает одежда. Во всяком случае, интереснее смотреть, где люди живут, а не что носят. Я имею в виду, лучше рассматривать их одежду, когда она висит у них на стульях, а не на теле. Люди просто обязаны вывешивать всю свою одежду напоказ. Ничего не должно быть спрятано, кроме таких вещей, которые не должна видеть твоя мама. Это единственная причина, по которой я боюсь смерти.

– Почему?

– Потому что мама придет ко мне сюда и найдет вибратор и то, что я писала про нее в дневнике.

– Еще я верю в джинсы.

– Джинсы от Леви Стросс – самые удобные, самые красивые штаны, которые когда-либо кем-либо были придуманы. Никто не создаст ничего лучше настоящих джинсов. Их нельзя покупать старыми, их надо купить новыми и как следует поносить. Чтобы они приобрели вид. Их нельзя отбеливать или делать что-то еще. Помнишь тот маленький кармашек? Такой маленький-маленький кармашек, как для золотой монеты в двадцать долларов, – это так круто.

– А французские джинсы?

– Нет, самые лучшие – американские. Леви Стросс. С маленькими медными пуговицами или с заклепками – на вечер.

– Как ты ухаживаешь за ними, Б?

– Стираю.

– Ты их гладишь?

– Нет, я пользуюсь кондиционером. Единственный человек, который их гладит, – Джеральдо Ривера.

От этого разговора о джинсах я начал сильно завидовать. Леви и Строссу. Если бы я только мог изобрести что-нибудь похожее на джинсы. Что-нибудь, за что меня бы помнили. Что-нибудь массовое.

Я услышал, как говорю: «Я хочу умереть в джинсах».

– Ой, А, – вдруг воодушевилась Б. – Тебе бы стать президентом! Если бы ты был президентом, кто-нибудь другой исполнял бы обязанности президента за тебя, правильно?

– Точно.

– Ты бы очень подошел на пост президента. Ты бы все записывал на видеопленку. У тебя было бы ежевечернее ток-шоу – твое собственное, президентское. Приходил бы кто-нибудь другой, работая президентом за тебя, и читал бы народу твой дневник, каждый вечер по полчаса. И эта программа –

«Что президент сделал сегодня» – выходила бы в эфир перед новостями. Тогда не было бы трепа насчет того, что президент ничего не делает или просто просиживает штаны. Ему бы пришлось каждый день рассказывать нам, что он делал, занимался ли сексом с женой… Ты должен будешь рассказывать, как ты играл со своим псом Арчи – прекрасное имя для домашнего любимца президента, – какие законопроекты тебе пришлось подписать и почему ты не хотел их подписывать, кто тебя обхамил в конгрессе… Ты должен будешь сообщать, сколько международных телефонных звонков сделал за день. Тебе придется рассказывать, что ты ел в своей персональной столовой и показывать с экрана телевизора чеки, по которым ты заплатил за свою еду. В Кабинет министров ты бы набрал людей, которые не имеют отношения к политике. Роберт Скалл стал бы министром экономики, потому что он знает, как вовремя купить и втридорога продать. Вокруг тебя никогда не толклись бы политики. Ты бы сам повсюду ездил и делал видеозаписи. Ты бы показывал свои встречи с иностранцами по телевидению. А написав письмо какому-нибудь члену конгресса, ты бы делал ксерокопии и рассылал их по газетам.

Из тебя получился бы очень симпатичный президент. Ты не занимал бы слишком много места, у тебя был бы крошечный офис, как твой теперешний. Ты изменил бы законодательство, чтобы иметь право оставлять себе все, что тебе подарят за время президентства, потому что ты – Коллекционер. И ты был бы первым неженатым президентом. А в конце концов ты прославился бы, написав книгу «Как я управлял страной, даже не пытаясь это делать». Или, если такое название не слишком благозвучно, – «Как я управлял страной с вашей помощью». Это, наверное, продавалось бы лучше. Только подумай, если бы ты сейчас был президентом, больше не было бы Первой леди. Только Первый человек.

В Белом доме у тебя не было бы постоянной прислуги. Какая-нибудь Б приходила бы чуть пораньше, чтобы прибраться. А потом другие Б съезжались бы в Вашингтон посмотреть на тебя, точно так же, как они приезжают к тебе сейчас посмотреть на твою Фабрику. Там все было бы пуленепробиваемое, так же как на Фабрике. Посетителям пришлось бы пробираться мимо твоих парикмахерш. А свою самую личную парикмахершу ты брал бы с собой. Представляешь ее в дутой куртке, всегда готовую к бою? Ты понимаешь, что нет причины, по которой ты не мог бы быть президентом Соединенных Штатов? Ты знаешь всех важных персон, которые тебя поддержат, все общество, всех состоятельных людей, а только это и надо любому человеку, чтобы стать президентом. Не знаю, почему ты не выдвинешь свою кандидатуру прямо сейчас. Тогда бы люди знали, что ты – не клоун. Я хочу, чтобы ты говорил каждый раз, как увидишь себя в

зеркале: «Политика. Вашингтон, округ Колумбия». Я имею в виду – перестань дурачиться с Ротшильдами. Забудь об этих долгих поездках в Монтаук на «роллс-ройсах». Подумай о небольшой прогулке на вертолете до Кэмп-Дэвида. Вот это была бы поездка. Было бы здорово. Ты представляешь себе возможности Белого дома? А, ты ведь занимался политикой с того дня, как мы с тобой познакомились. Ты все делаешь как политик. Политика – это ведь и плакат с лицом Никсона и надписью «Голосуйте за МакГоверна».

– Идея в том, что можно голосовать и так, и так.

– Значит, я могла бы голосовать за Энди Уорхола, если бы ты поместил на плакате лицо Джаспера Джонса.

– Конечно.

– Значит, начиная с этой минуты, наш лозунг «Поддержим Энди Уорхола».

– Ладно, можешь записать его.

– Мы все в стране начнем с нуля. Можем снова загнать индейцев в резервации ткать ковры и искать бирюзу. А еще мы можем отправить Роттен Риту и Ондина на золотые прииски. Представляешь себе Голубую гостиную с банками супа «Кэмпбелл» вдоль стен? Это то, на что следует смотреть главам иностранных держав, – банки кэмпбелловского супа, Элизабет Тейлор и Мэрилин Монро. Это и есть Америка. Вот что должно быть в Белом доме. И подавали бы мороженое «Долли Мэдисон». А, попробуй посмотреть на себя так, как другие на тебя смотрят.

– Как на президента?

– Ой, это было бы так мило, зимой ты надевал бы коричневую шляпу, а Арчи валялся бы в офисе на твоем пальто.

– Хм-м-м…

– Только представь, как ты проделываешь все, что делаешь обычно по утрам – например, снимаешь крылышки, но в Белом доме.

– Ох, послушай. Мы так долго разговаривали, что я до сих пор не снял свои крылышки.

– Спусти их в унитаз.

– Ладно.

– А, если тебе не удастся занять пост президента, ты можешь стать таможенником.

– Что? Почему?

– Вспомни, как тебя обыскали на таможне. Твоя сумка была набита шоколадками, печеньем, жевательной резинкой. И они засмеялись. Ты не ел ничего, кроме сладостей. Ты был самым большим сластеной из всех, кого я когда-либо знала. А теперь у тебя проблемы с желчным пузырем, и тебе приходится принимать большие белые пилюли перед едой. Я все время тебе твержу, чтобы ты его удалил.

– Мне надо покрасить волосы. Я еще не сделал этого сегодня.

– Ты так много времени проводишь дома, возишься с цветом волос, ресниц и бровей. Когда мы говорим по телефону, я всегда слышу, как где-то у тебя другая Б орет: «Я сейчас выброшу этот „Клэрол-07”!» Не думаю, что следует выбрасывать краску для волос, но, по-моему, тебе лучше выкрасить обе брови в одинаковый цвет. Если ты остаешься дома и не приходишь на Фабрику, это означает, что ты, наверное, отдал свой парик в химчистку или перекрашиваешь его. Сзади твой парик всегда так взъерошен, что хочется его пригладить. Иногда у меня возникает желание сорвать парик с твоей головы, но почему-то я никогда не могу этого сделать. Я знаю, тебе было бы больно.

– Пока, Б.

Глава 1

Любовь (отрочество)

А: Мне нравится твоя квартира.

Б: Квартира хорошая, но места хватает только для одного или для двоих, если они очень близки.

А: Ты знаешь двух очень близких людей?

В какой-то момент своей жизни, в конце 50-х, я почувствовал, что заражаюсь проблемами своих знакомых. Один мой друг безнадежно влип в роман с замужней женщиной, другой признался, что он гомосексуалист, а женщина, которую я обожал, проявляла явные симптомы шизофрении. Я никогда не думал, что у меня есть проблемы, потому что никогда не пытался их точно определить, но теперь я почувствовал, что проблемы друзей внедряются в меня, как микробы.

Я решил пройти курс лечения у психотерапевта, как и многие мои знакомые. Я чувствовал, что следует определить хотя бы часть моих собственных проблем – конечно, если окажется, что они у меня есть, – а не просто разделять проблемы друзей, страдая вместе с ними.

В детстве со мной трижды случалось нервное расстройство с промежутками в один год. Первое – в восемь лет, второе – в девять, третье – в десять. Приступы – пляска Святого Витта – всегда начинались в первый день летних каникул. Не знаю, что это означало. Потом я проводил все лето слушая радио и валяясь в постели с куклой Чарли Маккарти и невырезанными куклами из альбомов для вырезания, разбросанными по одеялу.

Отец часто уезжал в командировки на угольные шахты, так что я виделся с ним редко. Мама, стараясь изо всех сил, читала мне вслух со своим тягучим чешским акцентом, и я всегда говорил: «Спасибо, мам», когда она заканчивала очередную историю про Дика Трейси, даже если не понимал ни слова. Она давала мне шоколадный батончик «Херши» каждый раз, когда я докрашивал страницу в своей книжке-раскраске.

Вспоминая свои школьные годы, я, честно говоря, только и могу припомнить что долгий путь в школу через чешский квартал Маккиспорта, Пенсильвания, с его «babushkas» и развешенным на веревках бельем. Я был не слишком-то популярен, но несколько хороших приятелей у меня все же было. Я ни с кем близко не дружил, хотя думаю, что сам хотел этого, потому что, когда видел, как ребята рассказывают друг другу о своих проблемах, я чувствовал, что никому не нужен. Никто не делился со мной своими секретами – наверное, я не вызывал желания посекретничать со мной. Каждый день мы шли через мост, под которым валялись использованные презервативы. Я всегда спрашивал, что это такое, и все смеялись.

Как-то летом я работал в универмаге – просматривал «Вог», «Харперс Базар» и другие европейские журналы мод для замечательного человека по имени мистер Волмер. Я получал около 50 центов в час, и работа моя заключалась в поиске «идей». Не помню, чтобы я отыскал какую-нибудь идею или чтобы идея пришла ко мне. Мистер Волмер был моим кумиром – он приехал из Нью-Йорка, а это казалось таким заманчивым. Сам я, кстати, и не думал, что когда-нибудь туда отправлюсь.

Но когда мне было восемнадцать, один мой приятель буквально засунул меня в крогеровскую хозяйственную сумку и отвез в Нью-Йорк. Я все еще хотел иметь близких друзей. Я постоянно вместе с кем-то из знакомых снимал квартиру, надеясь, что мы подружимся и будем делиться проблемами, однако всегда обнаруживал, что они интересуются другим человеком лишь с целью переложить на него часть своей квартплаты. Однажды я жил вместе с семнадцатью разными людьми в полуподвальной квартире на углу 103-й стрит и Манхэттен-авеню, и ни один из этих семнадцати не поделился со мной настоящей проблемой. Эти ребята тоже были народ творческий – у нас было что-то вроде коммуны художников, так что, я уверен, у них наверняка было полно проблем, но я никогда не слышал ни об одной из них. На кухне часто разгорались ссоры из-за куска колбасы в холодильнике – вот, пожалуй, и все. Я тогда очень много работал, так что, наверное, у меня и не было бы времени слушать про их проблемы, даже если бы мне что-то и рассказали, но я все равно чувствовал себя отвергнутым и обиженным.

Я целыми днями бродил по городу в поисках заказов, а работал ночами дома. Вот такая жизнь была у меня в 50-е годы: поздравительные открытки, акварели и поэтические вечера в кофейне.

Что я чаще всего вспоминаю из тех дней, помимо долгих часов, проведенных за работой, так это тараканов. Каждая квартира, где мне тогда довелось пожить, кишела ими. Я никогда не забуду, каким унижением было принести в кабинет Кармел Сноу в «Харперс Базар» свое портфолио, открыть его и увидеть, как оттуда вылезает таракан и ползет по ножке стола. Кармел пожалела меня и дала работу.

Итак, у меня было невероятно много товарищей по квартире. Вплоть до сегодняшнего дня почти каждый раз, когда я в Нью-Йорке выхожу куда-нибудь вечером, чтобы развлечься, я натыкаюсь на кого-то из них, и они неизменно объясняют моему спутнику: «Я раньше жил с Энди». Я всегда при этом белею, то есть становлюсь бледнее, чем обычно. Когда эта сцена повторяется несколько раз, мой спутник не может понять, как мне удалось пожить со столькими людьми, поскольку меня знают исключительно как одинокого парня, каким я теперь стал. Конечно, те, кто представляет меня типичным любителем светской жизни 60-х годов, всегда приходящим на вечеринки со «свитой» минимум из шести человек, могут недоумевать, почему я называю себя «одиноким парнем», так что позвольте мне объяснить, что я имею в виду на самом деле и почему это правда. В те периоды моей жизни, когда я чувствовал себя весьма общительным и искал близкой дружбы, я не мог найти людей, которым это было нужно, поэтому именно тогда, когда я больше всего не хотел быть один, я был одинок. Но как только я решил, что лучше останусь один и пусть никто не рассказывает мне о своих проблемах, все, кого я никогда в жизни раньше не видел, начали гоняться за мной, чтобы рассказать мне то, что я как раз принял решение не слушать. Как только я стал одиноким человеком, у меня и появилось то, что можно назвать «свитой».

Как только перестаешь чего-то хотеть, ты сразу это получаешь. Я выяснил, что это абсолютная аксиома.

Поскольку я чувствовал, что заражаюсь проблемами своих друзей, я пошел к психотерапевту, в Гринвич Виллидж, и рассказал ему все о себе. Я поведал ему историю своей жизни, рассказал о том, что у меня нет никаких собственных проблем и что я вбираю в себя проблемы моих друзей, а он сказал, что позвонит мне и назначит следующий сеанс, чтобы мы могли поговорить обо всем подробнее, но так и не позвонил. Когда я об этом вспоминаю, я понимаю, что он, сказав это и не сделав, поступил непрофессионально. По дороге от психотерапевта я зашел в магазин «Мейсис» и совершенно неожиданно купил свой первый телевизор, 19-дюймовый черно-белый телевизор марки «Эр-Си-Эй».

Я принес его к себе в квартиру на 75-й Ист-стрит, где жил тогда совершенно один, и сразу же забыл о психотерапевте. Телевизор у меня был включен все время, особенно когда люди рассказывали мне о своих проблемах, и я обнаружил, что телевизор развлекает меня как раз настолько, чтобы проблемы, о которых мне говорили, больше ко мне не липнут. Это было какое-то волшебство.

Моя квартира находилась над «Баром красоток Ширли», куда приходила Мабл Мерсер, чтобы побывать в трущобах и спеть «Ты так прелестна» («You’re So Adorable»), и телевидение помогло мне взглянуть на все это совершенно с иной точки зрения. В этом пятиэтажном здании без лифта у меня была сначала квартира на пятом этаже. Потом освободилась квартира на втором этаже, и я ее тоже снял, так что в моем распоряжении теперь было два этажа, но не подряд. Я все дольше и дольше оставался на том этаже, где был телевизор.

С годами, после того как я решил стать одиночкой, я становился все более и более популярным и обнаружил, что друзей у меня все прибавляется и прибавляется. С работой все было в порядке. У меня была собственная мастерская, где несколько человек работали на меня; по нашей договоренности они должны были там жить. В те дни все было легко и свободно. В мастерской день и ночь собирался народ. Друзья друзей. На проигрывателе всегда крутилась пластинка Марии Каллас, вокруг было много зеркал и блестящей фольги.

К тому времени я уже был известным художником поп-арта, так что у меня было полно работы, приходилось натягивать много холстов. Обычно я работал с десяти утра до десяти вечера, ночевал дома и возвращался утром, однако те люди, с которыми я расстался накануне вечером, были все еще здесь, по-прежнему бодрые, по-прежнему с Марией и зеркалами.

Именно тогда я начал понимать, насколько сумасшедшими могут быть люди. Например, одна девушка перебралась жить в лифт и оставалась там целую неделю, до тех пор пока ей не перестали приносить кока-колу. Я не знал, как все это понять. Но раз я оплачивал аренду мастерской, то чувствовал, что наверняка это меня касается, но не спрашивайте, что все это значило, – я никогда этого так и не понял.

Дом был расположен отлично – угол 47-й стрит и Третьей авеню. Мы всегда наблюдали за демонстрациями, направляющимися на митинги к ООН. Как-то раз

по 47-й стрит проехал в церковь Св. Патрика Папа Римский. Однажды проезжал и Хрущев. Это была хорошая широкая улица. Знаменитые люди стали заходить в мастерскую – наверное, чтобы поглядеть на непрерывное веселье, – Керуак, Гинсберг, Фонда и Хоппер, Барнетт Ньюман, Джуди Гарленд, «Роллинг Стоунз». «Вельвет Андеграунд» начинала репетировать на нашем этаже, а вскоре после этого мы вместе придумали шоу со всевозможными эффектами и в 1963 году начали колесить с ним по стране. Тогда казалось, что все только начинается.

Контркультура, субкультура, поп, суперзвезды, наркотики, прожекторы, дискотеки – все эти «молодежные» штучки начались, вероятно, тогда. Где-нибудь всегда шла вечеринка: если не в подвале, то на крыше, если не в метро, то в автобусе; если не на лодке, то на статуе Свободы. Все ходили принаряженные. «Все завтрашние вечеринки» («All Tomorrow’s Parties») – так называлась песня, которую «Вельветы» пели в кафедральном соборе, когда Нижний Ист-Сайд только начинал освобождаться от иммигрантского статуса и приобретать славу крутого района. «Какие костюмы наденет бедная девочка на все завтрашние вечеринки…» Мне очень нравилась эта песня. Ее играли «Вельветы» и пела Нико.

В те дни все было экстравагантно. Только богатые могли себе позволить поп-одежду из таких бутиков, как «Параферналия», или от таких модельеров, как Тайгер Морс. Тайгер заходила в магазин «Кляйна и Мей», покупала платье за 2 доллара, отрывала ленточку и цветочек, приносила платье в свой магазин и продавала за 400 долларов. С аксессуарами она тоже умела обращаться. Она приклеивала какую-нибудь яркую ерунду на вещь из «Вулворт» и просила за это 50 долларов. У нее был невероятный талант угадывать, кто из людей, заходивших в ее магазин, действительно собирается что-нибудь купить. Однажды я видел, как она секунду смотрела на приятную, хорошо одетую даму и сказала: «Извините, для вас здесь ничего не продается». Она никогда не ошибалась. Она покупала все, что блестит. Именно она изобрела светящееся электрическим светом платье со встроенными батарейками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/endi-uorhol/filosofiya-endi-uorhola-ot-a-k-b-i-naoborot-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити